

МОИ ВСТРЕЧИ С ГОРЬКИМ.

В 1905 г., когда я, по поручению Центрального Комитета нашей партии, в качестве его агента, совершил большую делегатскую поездку по России с агитацией за III съезд, еще при отъезде из Женевы мне Владимир Ильич сказал:

— Есть предложение от Горького организовать за границей издание его произведений, а также и других писателей, входящих в группу «Знание», с тем, чтобы доход от этих изданий поступал в кассу нашей партии. Будете в Петербурге, постарайтесь познакомиться с Алексеем Максимовичем и переговорить на этот счет с ним.

Приехав из Риги в Петербург, я стал думать, между прочим, и о встрече с Горьким, чтобы перетолковать с ним по этому поводу. Но случилось так, что Горького не было в Петербурге. Мне стало известно, что Горький уехал в Крым и что он там пробудет несколько месяцев. Тогда я решил, три моей поездки на юг, обязательно добраться до Крыма и повидать Алексея Максимовича.

Относился мы к произведениям А. М. Горького крайне сочувственно, и в 1904 г., когда появилась его пьеса «На дне», издали в нашей «Группе содействия партии» в Женеве фотографии отдельных моментов из этой пьесы и их с такой охотой раскушала у нас русская публика на всех вечеринках и рефератах и общественных собраниях, как в Женевской колонии, так и во всех других европейских городах. На вечерах русской колонии того времени произведения Горького охотно читались, вызывая постоянно гром аплодисментов, нередко переходивших в шумную овацию.

Получив адрес от Е. Н. Чирикова, я поехал в Крым. Это было как раз под пасху. По приезде в Ялту, я отправился искать дом Алексея Максимовича. Когда я говорил название дачи и спрашивал фамилию ее владельца, мне многие отвечали, что они не знают, но когда я вдруг случайно спросил, где здесь живет Горький, то первый же встречный сказал мне:

— Алексей Максимович? Да вот там, на горе...

Я понял, что местные жители здесь менее друг другу известны, чем популярный художник-писатель, гремевший на всю Россию. Так, называя то его имя, то его фамилию, я быстро дошел до той улицы, где жил Горький.

Меня провели в комнату, где сидела стройная, красивая женщина, немного испуганно смотревшая на меня, и Алексей Максимович. Я подошел к Горькому, оказал ему, что приехал из Петербурга, что Евгений Николаевич Чириков шлет ему привет, что я его только что видел у него на квартире, приехал по одному делу и хотел бы переговорить с ним как от себя лично, так и от имени Е. Н. Чирикова.

— Вот и чудесно, — воскликнула Алексей Максимович, — прошу садиться и расскажите-ка, батенька, дам, что у вас за дело такое.

Так как мне пришлось бы говорить и о делах партии, то я мямля, робко поглядывая на женщину, и говорил то о том, то о другом, а дела не касался. Когда я умолк и когда наступило неловкое молчание, Алексей Максимович, вдруг догадавшийся, в чем тут дело, улыбнулся своей прекрасной, очаровательной улыбкой и сказал мне:

— Это что же вы стесняетесь? Так я вас прошу, не стесняйтесь. Это моя жена, она свой человек.

Хотя для меня и не было привычно считать жену обязательно «своим человеком», хотя я и был воспитан в партии в строгих правилах суровой конспирации, я понял, что здесь мне не удастся провести то конспиративное начало, к которому я привык, и что мне ничего другого не оставалось, как начать разговор в присутствии двоих, тем более, что здесь и конспирация-то была не очень большая. Я сказал, что приехал из-за границы, что у меня имеется поручение от партии переговорить с ним по поводу издания за границей его произведений и произведений некоторых других писателей, что

и запротестовала, и я благодарно принял ее, когда она предложила свои услуги написать это письмо в иносказательных выражениях, рекомендуя Константину Петровичу обратить внимание на меня, как на агента, распространявшего книги, и сделать решительно все, что возможно, для этого дела.

К вечеру я был в Севастополе, и под первый день пасхи я сел в поезд. В целом вагоне третьего класса я ехал один. И так спокойно, без всяких тревог и волнений я опять доехал до Петербурга, остановился у моих друзей и тотчас же отправился к Е. П. Пятницкому, который сразу принял меня очень хорошо, прочел письмо Марии Федоровны, захопотал, сыт ли я,

встречался с Алексеем Максимовичем у него на квартире на Знаменской улице, а затем в Финляндию, куда он переехал до того момента, когда так стеснялись политические обстоятельства времени реакции 1906—1908 г.г. и когда ему и его жене Марии Федоровне Андреевой прямым образом стал угрожать процесс, а может быть, и арест. Издание газеты «Новая Жизнь», в которой такое деятельное участие принимал Владимир Ильич Ленин и которое была закрыта под давлением царского правительства. Когда все более и более черная волна реакции стала захлестывать и самого Алексея Максимовича, когда его все более стали подозревать во всевозможных конспиративных делах, он, по совету своих политических друзей, тем более чувствуя большое недовольство в связи с недугом, покинул Россию и уехал за границу, на остров Капри.

Следующий этап моих сношений с Алексеем Максимовичем был в последний период Февральской революции, когда Алексей Максимович вернулся в Россию и стал центром общественного внимания в Петербурге, издавая журнал «Летопись», а потом газету «Новая Жизнь». Не было ни одного общественного проявления в то время, чтобы Алексей Максимович не принял в нем то или другое активное участие, и когда грянула Февральская революция, то его квартира была местом сосредоточения многих и многих политических деятелей, где все желали обменяться мнениями, где все хотели почерпнуть те или иные сведения. Во время июльского восстания юнкера тщательнее искали Алексея Максимовича на даче в деревне Нейвола, где он проживал близ станции Мустомля, Финляндской железной дороги, но Алексей Максимович в то время выехал оттуда, и эти пошлые поиски кончились только осмотром квартиры и богатейшей библиотеки Алексея Максимовича.

Наступил голод. Положение в Петрограде было отчаянное. Конечно, при озадаченных обстоятельствах положение ученых, литераторов, художников было особенно тяжелое, и Алексей Максимович делает огромное дело для нашей культуры, напрягая все свои личные силы и средства в помощь ученым, а также приглашая к той же деятельности всех своих друзей. Он дает инициативу местному обществу помощи литераторам и ученым, которое с первых же шагов, организуя столовую, клуб, жилища и пр., дает большую помощь этому делу. Когда академик Невлов написал мне его известное письмо о положении ученых и когда с содержанием его ознакомился Владимир Ильич, то было решено немедленно приступить к организации широкого общества помощи литераторам и ученым. Владимир Ильич остановился на Алексее Максимовиче, которого он пожелал поставить во главе этого дела. Алексей Максимович, приехав из Петрограда в Москву, должен был свидеться с Владимиром Ильичем в Кремле, в его кабинете. Владимир Ильич сосредоточенно сидел за своим столом, что-то соображал и тщательно проглядывая многие документы, лежащие у него на столе, когда Але-

ксей Максимович был введен мною в кабинет Владимира Ильича.

— Что это вы делаете? — сказал он, обращаясь к Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич быстро встал, дружески, через стол, пожал руку Алексею Максимовичу и, посмотрев ему в упор в глаза, ответил:

— Думаю над тем, как бы лучше перерезать кулаков, не дающих хлеба народу.

— Вот это оригинальное занятие, — ответил ему Алексей Максимович, садясь в кресло.

— Да, мы подходим вплотную к борьбе за хлеб, за самое простое человеческое существование, — ответил ему Владимир Ильич.

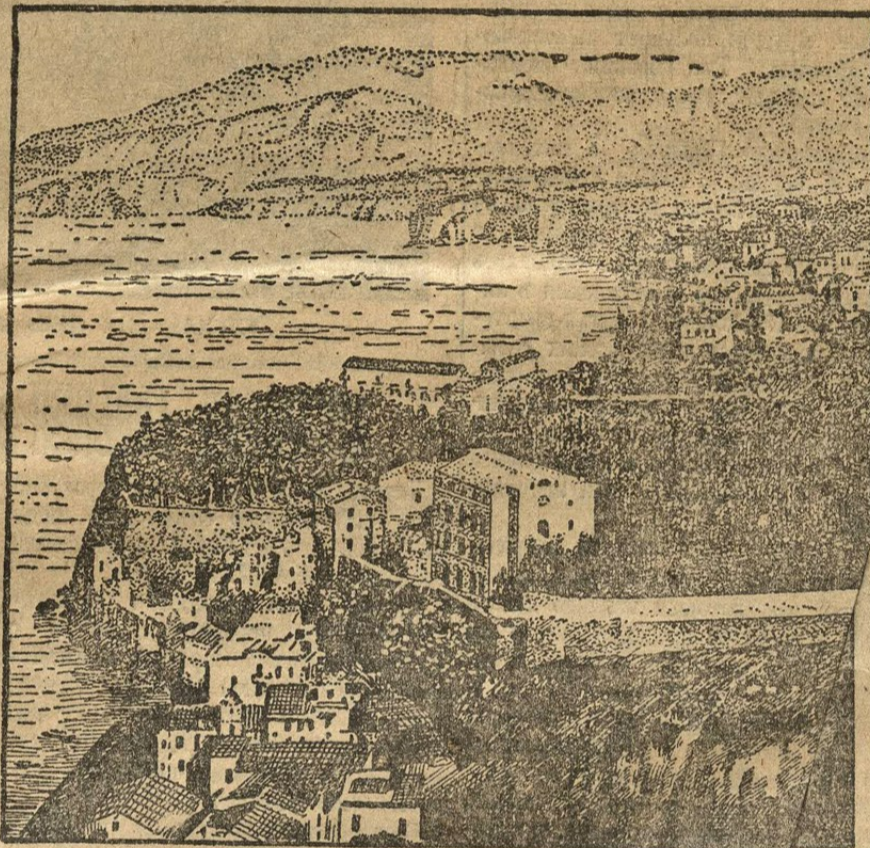
Владимир Ильич говорил это открыто, энергично, с величайшей решимостью, и чувствовалось, что да, действительно, наступает момент борьбы не на живот, а на смерть за самое первое — существование человека.

— Кто кого, — говорил Владимир Ильич, — или мы победим, или они нас; здесь другого выхода нет.

Разговор быстро перешел от этой политической темы на специальные вопросы устройства жизни, быта литераторов и ученых. Алексей Максимович подробно рассказал Владимиру Ильичу о тех ужасах жизни, которые приходится переживать и без того тонкому самому культурному слою нашего общества, выдающимся ученым и литераторам, которые решительно не способны к борьбе за кусок хлеба. Владимир Ильич выступивший все это с величайшим вниманием и напряжением. Он сказал Алексею Максимовичу, что надо сделать решительно все, чтобы помочь этим специалистам, литераторам и ученым пережить лихолетье нашего времени и что он надеется, что Алексей Максимович со своими друзьями, став во главе этого дела, сумеет организовать все, как будет нужно, при чем эту помощь, постоянную и упорную, он твердо обеспечивает.

— Ведь, вот только бы победить нам все эти интервенции, все эти внутренние восстания кулаков, помещиков и буржуазии, и тогда мы устроим так, что деятели науки, культуры, искусства, литературы — все будет обеспечено у нас так, как ни где в свете. Именно к нам будут ехать все ученые, чтобы делать всевозможные исследования, создавать лучшие лаборатории при самых лучших возможностях исследований и постановки работ животрепещущих научных вопросов.

В скором времени закончилась широкая работа на этом поприще, и мы знаем, что ЦЕКУБУ, развившаяся из этой инициативы, обеспечила десятки и сотни деятелей науки и искусства, спасла многих и многих от тисков вымирания, холода и голода. И эта деятельность в самые тяжелые годы нашей революции всегда неразрывно будет связана с двумя именами — с именем почившего Владимира Ильича и с именем ныне здравствующего Алексея Максимовича, юбилей которого мы так все желаем праздновать.

Сорренто, где сейчас живет М. Горький.

я об этом уже говорил в Петербурге с Чириковым, а теперь приехал в Ялту специально для того, чтобы переговорить с ним лично. Алексей Максимович сразу оживился и стал рассказывать о том плане, который у него имеется по этому поводу, и тут же добавил, что все детали этого плана разработаны у Константина Петровича Пятницкого, который является ответственным заведующим «Знания» и к которому мне придется обратиться. Мы разговорились о делах, сейчас же нашли общих знакомых и через какие-нибудь полчаса оживленно беседовали о всех последних политических новостях и событиях. Алексей Максимович хранит в себе особую тайну привлекательности, какой-то подход к людям совершенно исключительный и чрезвычайно редко встречающийся. Он ставит и себя и слушателя в такое положение, что ничего другого не остается, как только уж если беседовать, то беседовать по душам, откровенно и идейно-напряженно.

У меня в кармане было письмо к Пятницкому, которое сначала хотел написать Алексей Максимович, но Мария Федоровна Андреева заволновалась

имело ли я квартиру, да не по ли мне денег? Проект издания книг за границей был у него разработан самым детальным образом. К. П. Пятницкий сообщил мне, что все формальные стороны этого вопроса он решил осуществить Ивану Павловичу Лодыжинскому, который должен еще приехать за границу после дружеской отсидки в тюрьме и сыграть по известному нижегородскому делу.

Действительно, когда сказать, П. П. Лодыжинский приехал в Женеву в 1905 г. в июле месяце и мы организовали, с разрешения Ц. К. нашей партии, издательство под названием «Демос», в котором стали издавать произведения Горького, Чирикова, Смиталяца и печатать их в типографии с.-д. издательства Дюна в Штутгарте. Вскоре появилась в свет драма Горького «Дети солнца», рассказ Смиталяца «Полевой суд», небольшая вещь Горького, в то время только что запрещенная царской цензурой, и намреваясь начать издавать целый ряд книг, когда грянул Октябрь 1905 г., и мы все уехали в Россию.

Оставив после революции 1905 г. жить в Петербурге, я довольно часто

„М. Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал, еще больше может сделать“.

(В. И. Ленин. 1910 год).